

ШАРОН КРИЧ

Тайная тропа

«Лучшая книга для подростков» по версии ALA,
Американской библиотечной ассоциации

Шарон Крич

Тайная тропа

«ЭКСМО»

1997

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Сое)-44

Крич Ш.

Тайная тропа / Ш. Крич — «Эксмо», 1997

Шарон Крич стала первым автором, одновременно обладающим двумя престижнейшими литературными премиями в области детской литературы: медалью Ньюбери (США) и медалью Карнеги (Великобритания).

Тринадцатилетняя Зинни Тейлор живёт с тремя братьями и тремя сёстрами на ферме в Кентукки. Когда Зинни обнаруживает позади дома заросшую загадочную тропу, то решает во что бы то ни стало расчистить её и выяснить, куда же она ведёт. Наконец-то Зинни нашла что-то принадлежащее только ей! Зинни Тейлор день и ночь проводит за расчисткой тропы, подальше от семьи, подальше от хаоса звуков их большого дома, там, где можно услышать свои собственные мысли. Но Зинни никак не могла предположить, что тайная тропа тесно связана с историей её семьи и ответы она найдёт, вернувшись домой.

УДК 821.111-93(73)

ББК 84(7Сое)-44

© Крич Ш., 1997
© Эксмо, 1997

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	10
Глава 5	12
Глава 6	14
Глава 7	16
Глава 8	19
Глава 9	22
Глава 10	24
Глава 11	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Шарон Крич Тайная тропа

Sharon Creech
CHASING REDBIRD

Text copyright © Sharon Creech, 1997

This edition is published by arrangement with Writers House LLC and Synopsis Literary Agency

© Sharon Creech, 1997 This edition is published by arrangement with Writers House LLC and Synopsis Literary Agency

© Бушуев А.В., Бушуева Т.С., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

*Посвящается Лайлу.
Моя благодарность К. Т. Х.*

Глава 1

Клубок спагетти

В кухне тёти Джесси копошились червяки: красные червяки над комком коричневой грязи в тарелке. Тарелка, черви и комок грязи были на вышитой крестиком картине, висящей над плитой.

Когда я научилась читать, я разобрала слова, вышитые синими буквами под миской: «Жизнь – это тарелка спагетти...» Червяки не были червяками; это были спагетти. Я мысленно представила себе, как я роюсь среди перекрученных нитей макарон. И это моя жизнь?

Там были и другие слова: «...время от времени ты получаешь фрикадельку». Этот комок грязи был фрикаделькой! В моих глазах эта фрикаделька была неким бонусом, который вы можете отыскать среди запутанных нитей спагетти вашей жизни. Нечто такое, к чему нужно стремиться, этакая награда за все ваши труды и старания – за ковыряние в тарелке с пастой.

В тринадцать лет мне доставались и фрикадельки, и комки грязи.

Меня зовут Зинни (полное имя Зинния) Тейлор. Я живу вместе с кучей братьев и сестёр и моими родителями на ферме в Бибэнксе, штат Кентукки. Наш дом прислонился к дому дяди Нейта и тёти Джесси, но, по сути, два дома соединены вместе, в единое целое. Порой на нашей половине слишком многолюдно, и тогда сам не знаешь, кто ты такой. Как будто в одной кастрюле перемешались порции спагетти всех членов семьи.

Прошлой весной я обнаружила позади нашего земельного участка тропу – старую тропу, заросшую травой и сорняками. Я сразу поняла: эта тропа моя и только моя. Чего я не знала, так это куда она ведёт, или как трудно будет разведать её, или что это превратится в такую навязчивую идею, что я стану такой же настырной, как собака, таскающая кур из курятника.

Эта тропа стала своего рода тарелкой спагетти, в которую перемешаны я сама, моя семья, дядя Нейт, тётя Джесси и Джейк Бун. Потребовалось немало усилий, чтобы распутать эту мешанину.

Глава 2

Тихая зона

Перейти из нашей кухни через коридор в кухню тёти Джесси и дяди Нейта было сродни путешествию в прошлое. На нашей половине поселился настоящий зоопарк самых разных звуков: топот ног Бена, Уилла и Сэма, бегающих вверх и вниз по лестнице; бухание стереосистемы Бонни; писк компьютера Гретхен; дребезжание настенного телефона, по которому вечно треплеться Мэй.

Но стоило пройти по коридору, как вы внезапно оказывались в Тихой Зоне дома тёти Джесси и дяди Нейта. Большую часть времени там тихо, как в склепе. Там вы увидите старомодные вышитые подушки и гобелены со стихами и пословицами. Нос вам будет щекотать запах корицы и мускатного ореха, а ваши пальцы пробегут по гладким столешницам и мягким стёганым одеялам.

Я подолгу бывала в Тихой Зоне. Моим братьям и сёстрам там не нравилось, но я воспринимала дядюшку Нейта и тёту Джесси, его Красную Птицу, как моих вторых родителей. У них не было детей, хотя когда-то у них была дочь по имени Роза, которая родилась в тот же месяц и год, что и я.

Когда нам с Розой было по четыре годика, я подхватила коклюш, а потом Роза подцепила его от меня. Ей становилось всё хуже и хуже. Когда она умерла, тётя Джесси сделала странную вещь. Она вытащила из своего огромного комода нижний ящик, поставила этот ящик на стол и выложила его изнутри розовым детским одеяльцем. Она положила в него Розу и зажгла на каминной полке дюжину свечей.

Тётя Джесси считала, что первой кроваткой новорождённого ребёнка должен быть выдвижной ящик (правда, вытащенный из комода), а последней кроватью человека перед тем, как его положат в гроб, тоже должен быть выдвижной ящик. Если положить умершего в ящик комода, то он заново родится невинным младенцем. У тёти Джесси были своеобразные убеждения.

Помню, я так и норовила прошмыгнуть на их половину, чтобы взглянуть на Розу, ожидая, когда она моргнёт сонными глазками и сядет. Мне говорили: «Не прикасайся к ней!», но я один раз прикоснулась. Я погладила по её руке и страшно испугалась. Это была не её рука. Это была рука куклы, жёсткая, не тёплая и не холодная. Я со страхом посмотрела на собственную руку – вдруг она превратится в руку куклы, как у Розы.

В течение двух дней люди входили и выходили из той комнаты, оплакивая Розу, лежавшую в ящике комода. Своим скучным четырёхлетним умишком я понимала: Роза оказалась в этом ящике по моей вине, и я всё ждала, когда кто-нибудь накажет меня за это. Вместо этого люди спрашивали меня, хорошо ли я себя чувствую, стало ли мне лучше, и говорили, как мне повезло. Повезло? Ну-ну. Я чувствовала себя так, будто это я лежу в том ящике, и кто-нибудь вот-вот достанет из него Розу и вместо неё положит в ящик меня.

Вы, пожалуй, подумаете, что, поскольку Роза заразилась коклюшем от меня, а я всё ещё жива, то тётя Джесси и дядя Нейт сердились на меня; но они, похоже, не сердились. Наоборот, они взяли на себя особую заботу обо мне. Я была хилой и болезненной и вечно ловила все микробы, какие только проплывали по дому. Всякий раз, стоило мне захворать, как тётя Джесси, завернув меня в одеяло, уносила на свою половину и нянчилась со мной и ухаживала за мной, пока мне не становилось лучше.

Иногда она путалась, называя меня Розой вместо Зинни, и это вызывало у меня странные чувства. Я задавалась вопросом: что если я и есть Роза, а умерла Зинни? И я была Роза, и это были мои настоящие родители.

У моей мамы была куча детей, и, возможно, она чувствовала себя виноватой, что у неё их так много, тогда как у тёти Джесси и дяди Нейта теперь не было никого. Возможно, ей казалось, как позже и мне, что мы в долгую перед тётями Джесси и дядей Нейтом. В любом случае, мои родители позволили им буквально трястись надо мной, и мне нравилось бывать у них дома, хотя я и сторонилась того ящика. Он снова был в комоде, но я представляла себе жуткие вещи, особенно покойников.

Когда я не болела, тётя Джесси и дядя Нейт брали меня с собой на оздоровительные прогулки по ферме. Дядя Нейт рассказывал мне о том, что, поскольку у красного дуба открытые поры, его древесина хороша для изготовления бочек, в которых хранят сухие сыпучие вещества, а поры белого дуба источают липкую смолу, которая их герметически закупоривает, делая водонепроницаемыми, и поэтому из древесины белого дуба можно строить корабли. И он, и тётя Джесси были настоящие ходячие энциклопедии.

– Ага, а вот и он! – воскликнула тётя Джесси, наклоняясь, чтобы указать на лютик или папоротник. Бывало, подняв с земли окаменевшее растение, она рассказывала мне, как оно появилось миллионы лет назад. – Какое чудо!

Единственными созданиями, которых она не считала чудом, были змеи. Увидев кривую ветку, которую порой принимала за змею, она гадливо вздрагивала.

– Это единственная тварь, которую я терпеть не могу, – говорила она. – Для меня змея не является чудом природы. Не знаю, как Господь мог создать этих мерзких ползучих гадов.

В конце наших оздоровительных прогулок мы проходили мимо семейного кладбища, где была похоронена Роза, но они никогда не подходили слишком близко к её могилке. Лично мне это казалось странным. Они как будто стерли её из памяти. Все её игрушки исчезли, вся её одежда, все фотографии. Я с трудом вспоминала её. Как будто всё, что было связано с Розой, было спрятано в дальний ящик моей памяти, и я не могла его открыть.

Иногда я сама ходила на кладбище и клала цветы на её надгробие. Я разговаривала с ней, рассказывала ей, что у нас происходит, и спрашивала, как у неё дела. Это было для меня большим достижением, потому что я почти никогда не разговаривала с живыми людьми.

Дело не в том, что я была глупой (хотя многие учителя так думали, когда я впервые приходила на их уроки) или что я не любила людей. Просто мне казалось, будто в мире не так много вещей, о которых уже не сказал кто-то другой. Мне больше нравилось слушать.

Глава 3

Погружаясь на дно

Полгода назад нашей тёти Джесси не стало. Прохладной весенней ночью она ушла из жизни. Это было ужасное, кошмарное время.

Её смерть, такая внезапная и нежданная, повергла нас всех в смятение и ужас. Мы не знали, что делать, пытались понять, как такое может быть. Нас всех как будто прихлопнула гигантская рука, упавшая откуда-то с небес.

Дядя Нейт начал днями, а иногда и ночами, бродить по окрестностям – фотографировал всё вокруг, разговаривал сам с собой и с невидимыми людьми. В том числе и со своей Красной Птицей, тётей Джесси. Он проводил большую часть времени, пытаясь поймать её. Иногда он гонялся за ней по полям, только мы её не видели, а видели его одного, как он бегал с шишковатой палкой в руке. Нет, он не пытался её подбить. Он просто всегда носил с собой эту палку.

Палка предназначалась для того, чтобы бить змей. На нашей ферме я видела только одну змею – ту, которую я принесла с моей тропы, – но дядя Нейт продолжал практиковаться в их уничтожении. Он бил палкой по всему, что отдалённо напоминало змей. Однажды я застукала его за избиением лежащего на полу ремня, и он избил его почти до полусмерти. В другой раз я видела, как он бьёт бельевую верёвку. Я не знаю, что, по его мнению, могла делать натянутая в воздухе змея с развешанными на ней рубашками.

А ещё я считала, что тётя Джесси умерла по моей вине – из-за того, что я сделала и сказала. Вот она я, Зинния Тейлор: Рука Судьбы. Казалось, будто кто-то связал меня и бросил в самую середину болота, где я рискову утонуть, как брошенная фрикаделька. Я была как ходячая мумия, полностью запечатанная от всего мира, и я тонула, тонула, тонула.

Примерно через месяц после смерти тёти Джесси вернулся Джейк Бун. Мы всегда знали семью Джейка, как всегда знали и всех остальных здешних жителей. Четыре или пять лет назад родители Джейка расстались. Мать взяла его с собой и уехала. Отец Джейка остался один. Затем, вскоре после смерти тёти Джесси, Джейк вернулся и попытался вытащить меня из этого болота. Правда, очень странным способом.

Глава 4

Однодневная специальная скидка

Когда-то Джейк Бун был тощим мальчишкой («худой, как шесть часов», как говорила тётя Джесси), и всё, что я помнила о нём, так это то, что однажды он расплакался в церкви, когда моя сестра Мэй толкнула его на живую изгородь, потому что он пытался вручить ей нарцисс. Когда Джейк уехал, я напрочь забыла о нём, и это чистая правда.

В следующий раз я увидела Джейка уже после смерти тёти Джесси, когда однажды в пятницу зашла в магазин миссис Флинт. За прилавком стоял высокий широкоплечий парень, на вид лет шестнадцати (ему столько и было), в белой футболке с закатанными рукавами. В нашем городке мальчишки футболки так не носят. Волосы у него были тёмные, коротко стриженные, и когда я вошла, он широко улыбнулся мне.

– Привет! – сказал он. – Ты которая?

Я привыкла к этому вопросу, но ничего не ответила.

– Я знаю, что ты Тейлор, – сказал он, – потому что вы все, Тейлоры, похожи. Но ты кто? Гретхен? Мэй?

– Зинни. – Я удивилась звуку собственного голоса, так как в последнее время почти им не пользовалась.

– Нет! Быть того не может! Ты была такой тощей, маленькой...

– А когда это было? – спросила я. – Чёрт, я не видела тебя с тех пор, как свиньи слопали твою бабушку.

На самом деле свиньи не ели его бабушку. Просто у нас в Бибэнксе так говорят.

– Так ты меня не узнаёшь? – спросил он.

– Может быть, узнаю, а может, и нет.

(Я не узнала.)

– Джейк... Я – Джейк!

Я окинула его взглядом с головы до ног.

– Джейк Бун?

– Ага. – Он прижал к груди ладони, как будто хотел убедиться, что он всё ещё здесь. – Это я, собственной персоной.

Он совершенно не был похож на того тощего хлюпика, которого Мэй когда-то толкнула на живую изгородь.

– На что ты уставилась? – спросил он. – Или ты не веришь, что это я?

Да, я не верила. Я решила, что это какой-то самозванец. Откуда мне было знать? В фильме, который я когда-то видела, муж одной женщины вернулся с войны, и ей потребовалось два года, чтобы окончательно понять, что этот мужчина не был её настоящим мужем.

– Тебя не узнать. Ты изменился.

– Вообще-то, как и ты, – сказал он. – Как там ваша семья? Я слышал про твою тёту. Жаль, что она умерла. Как дядя Нейт это перенёс?

– Тяжело.

– А как поживают Мэй, Бонни и Уилл? И Гретхен? Бен? Сэм?

Чёрт, а у него хорошая память.

– Нормально, – ответила я.

– А Сэл Хиддл? Вы с ней по-прежнему лучшие подруги?

– Она уехала, – сказала я. – В Огайо.

Это была ещё одна незарубцевавшаяся рана в моей жизни. Моя лучшая подруга Сэл была вынуждена переехать в Огайо с отцом. Сэл уверяла меня, что вернётся в Бибэнкс, но мне в это плохо верилось. Когда-то так говорила её мама, но её мама так и не вернулась.

– И кто сейчас живёт в их доме? Я видел там машину...

– Какие-то Батлеры. Снимают их дом, – ответила я.

– Твоя сестра Мэй... У неё всё такой же вспыльчивый характер?

– Вспыльчивее, чем у варёной совы, – сказала я.

Джейк взял муку, которую я поставила на прилавок.

– Это всё?

Джейк пробил сумму в кассовом аппарате, положил муку в пакет, схватил с полки позади него пачку печенья и бросил её в тот же пакет.

– Ты не взял с меня всю сумму, – сказала я, – и я не просила печенье.

– А у тебя острый глаз, Зинни Тейлор. – Джейк через весь прилавок подтолкнул ко мне пакет. – Сегодня у нас на муку особая скидка. Когда вы покупаете муку, то получаете бесплатно пачку печенья.

– Миссис Флинт никогда так не делает.

– Новая политика, – объяснил Джейк. – Это специальная однодневная скидка. – Я уже собралась уйти, но он добавил: – Может, как-нибудь зайду к вам повидаться.

– Кто-нибудь всегда дома, – ответила я, полагая, что он имел в виду всю нашу семью.

В тот вечер за ужином мама спросила:

– Откуда взялось это печенье – то, что на столе?

Я объяснила про однодневную скидку.

– Это сделала миссис Флинт? – спросила папа.

– Нет, Джейк Бун.

Моя сестра Мэй, которой уже шестнадцать, чем она жутко гордится, сказала:

– Джейк Бун? Он вернулся? Тот самый тощий хлюпик...

– Я слышал, что он и его мать вернулись, – сказал папа.

– Насовсем? – уточнила мама.

– Вернулись с мистером Буном? – спросила Гретхен.

– Якобы да, – ответил папа.

Пока шли эти разговоры, дядя Нейт молча сидел в конце стола. Он жестом попросил передать ему соусник, что я и сделала.

– И какой он теперь, этот мелкий хлюпик Джейк? – не унималась Мэй.

– Совсем другой, – ответила я.

– Он красивый? – спросила Гретхен, моя самая старшая сестра.

Все посмотрели на меня. Я пожала плечами.

– Не знаю. (Вообще-то я знала. Конечно, красивый.)

– И что, он придёт проведать нас? – спросила Мэй.

– Может быть, – ответила я.

– Честное слово, Зинни, – сказала Мэй, – тебе пора научиться говорить полными предложениями. Когда он придёт?

– Не знаю. Когда-нибудь.

Если Мэй положила на кого-то глаз, остальным остаётся лишь рухнуть на месте и умереть. Она добивается всех мальчиков. Всех до единого. Если вы окажетесь на её пути, она раскатает вас в лепёшку.

Глава 5 Обещания

Центр Бибэнкса находится примерно в миле от нашего дома. Там есть три небольших школьных здания, бакалейная лавка, бензоколонка, церковь и почта. Вот и всё. Согласно ука-зателю на окраине города, население Бибэнкса – сто двадцать два человека, и почти все живут на фермах. Дети из соседних городков ходят в наши школы. В противном случае у нас было бы всего около дюжины учеников, и большинство из них были бы Тейлорами.

За нашей фермой тянутся невысокие горы – на протяжении тридцати, сорока, а может, и пятьдесят миль только горы, деревья и реки. Местные жители утверждают, что если подняться в горы, то можно бродить там днями, неделями, месяцами и не встретить ни единой живой души. Говорят, что в горах якобы есть места, где никогда не ступала нога человека.

Наша ферма всегда принадлежала дяде Нейту, папиному старшему брату, хотя, возможно, она принадлежала папе. Между ними шёл вечный спор о том, чья это ферма. Дядя Нейт говорил, что это ферма моего папы, папа же настаивал, что до тех пор, пока Нейт не сыграет в ящик, это будет ферма Нейта.

Дядя Нейт был человек неугомонный, прыткий, как блоха, и порой доводил тётю Джесси до белого каления тем, что путался у неё под ногами. В такие моменты она предлагала ему отправиться в поход в горы или побольше работать на ферме. Обычно он выбирал поход и говорил:

– Ты ведь не пойдёшь со мной?

Иногда она смягчалась и присоединялась к нему, но чаще вздыхала и велела ему отправляться туда одному. Она всегда говорила, что у неё слабое сердце. А ещё у неё был диабет, который она называла «мой сахар».

– Мой сахар снова подскочил, – говорила она.

И Дядя Нейт обычно говорил:

– Пожалуй, я пойду один и встречусь с моей милашкой.

Я никогда не обращала на это внимания; я понимала: он шутит.

Когда дядя Нейт уходил в горы, его порой не было дома целый день, а иногда он даже брал с собой спальный мешок и ночевал под открытым небом. Он редко выбирал работу на ферме, потому что дал себе слово, и не одно, относительно фермерства.

Однажды он пробовал выращивать кур, но затем решил, что не сможет видеть, как их убивают, и потому дал себе слово больше не разводить их. Тогда он взялся выращивать табак. Наша земля, влажная и тёмная, идеально подходит для табака; земля, которая получает достаточно количество солнечного света и влаги. Хотя дяде Нейту время от времени нравился табачный дым, он беспокоился, когда главный врач страны заявил, что табак опасен для здоровья, и дал себе слово, что больше не будет выращивать табак.

Потом у нас какое-то время было целое стадо молочных коров, но они заболели, и мы за два дня потеряли двадцать семь голов. Дядя Нейт сказал, что не может видеть, как умирают такие милые существа, как коровки, и поэтому дал слово больше не держать коров, кроме двух, которые давали нам молоко.

Свиней, как и кур, тоже нужно было забивать на мясо, поэтому он дал себе слово не разводить свиней. Затем настала очередь кукурузы и помидоров. Дядя Нейт практически бесплатно роздал их всем желающим на рынке, так как не смог заломить за них высокую цену – ведь это было бы против его решения не обманывать людей.

В конце концов тётя Джесси сказала ему, чтобы он прекратил их сажать – мол, они только потратят все деньги на рассаду и удобрения и останутся ни с чем. Так что теперь с кукурузой

и помидорами всё было в порядке: их стало не слишком много, а лишь столько, сколько мы могли съесть сами и дать соседям. Поскольку ферма дяди Нейта не приносила больших денег, хорошо, что мой папа работал полный рабочий день менеджером в аэропорту нашего округа.

* * *

Тётя Джесси была рыжей и по этой причине удостоилась от дяди Нейта прозвища Красная Птица, и из-за своих рыжих волос она выделялась среди нас. Дядя Нейт и папа выглядели вполне обычно, но все мы, дети, были похожи на мою маму: тёмные волосы, тёмные глаза, маленькие носы и уши, длинные худые ноги. Мама однажды сказала, что ощущает себя фотокопировальной машиной. Она сказала эти слова миссис Флинт в бакалейной лавке, и миссис Флинт наверняка решила, что мама жаловалась на количество детей, потому что миссис Флинт сказала:

– Вам никогда не говорили о противозачаточных средствах? Знаете, человеку не обязательно иметь миллион детей. Обратитесь к врачу и получите таблетки.

Тётя Джесси была тогда с нами и сказала:

– Доктор-шмоктор. Бог дал ей этих детей, и если Бог хочет дать ей таблетку, тогда пусть он это и сделает.

Это был деликатный вопрос, и я бы никогда не осмелилась задать его, поэтому я, как обычно, сидела, как будто набрав в рот воды.

Глава 6

Головастики и тыковки

В тот день, когда я увидела Джейка Буна в магазине, Мэй встала из-за обеденного стола и сказала:

– Я устала слышать, как люди вечно спрашивают меня, которая я из Тейлоров. Я устала слышать, как вы вечно говорите: «Бонни-Гретхен-Зинни-Мэй»… прежде чем решите, к кому вы обращаетесь.

Мэй начинала впадать в приступ ярости, но я отлично знала, что она имеет в виду. Мои родители вечно говорили: «Бон-Грет-Мэй-Зинни?» или «Уилл-Бен-Сэм?».

Мэй нырнула в ярость ещё глубже.

– Я облегчу вам задачу, – продолжила Мэй, – чтобы вы сразу видели, которая из вас я. – Она указала на полосатую ленточку в волосах. – Она многоцветная, – сказала она. – Слово «многоцветная» и Мэй начинаются с одной буквы.

Я подумала, что моя сестра слегка старовата для ленточек в волосах, но, по всей видимости, она прочитала в журнале статью про то, что ленточки снова в моде. Мэй была помешана на моде.

Тогда Гретхен, которой семнадцать лет, объявила, что будет носить только зелёный цвет. (Слово «зелёный», «грин», и «Гретхен» начинаются с одной буквы, сказала она.) Для неё это не будет большой проблемой, потому что зелёный всегда был её любимым цветом.

Одннадцатилетняя Бонни решила, что будет носить только голубое. Это не оставило мне особого выбора. Но раз меня зовут Зинния, Бонни предложила нарисовать на всей моей одежде циннию (это цветок).

В тот вечер я так и поступила. Когда я спустилась вниз с нарисованной красной циннией на рубашке, мама удивлённо посмотрела на этот красный цветок. Своим усталым умом она, вероятно, пыталась вспомнить, назвала ли она кого-то из своих детей именем на букву Р¹. Ребекка? Руби? Или же цветок означал, что моё имя начинается с буквы Ф? Неужели она назвала меня Фанни? Или Фрэнсис?

– Это цинния, мама. А я – Зинни.

– Я знаю, – ответила она. – Я прекрасно вас всех различаю. Просто моя голова полна других забот. Я бы даже с завязанными глазами узнала, кто из вас вошёл в комнату.

– Это как?

– Потому что я знаю, кто такая Зинни. Я знаю, как она ходит, говорит, пахнет. Я знаю, что она излучает. Я знаю, кто она такая.

Я хотел спросить: и кто же это? Но не стала.

– В любом случае, Зинни, – сказала она, – ты ведь нарисовала не циннию. Это ведь роза, правда?

Что вы об этом знаете? Я пошла и нарисовала на моей блузке розу. Это было жутко.

Мои младшие братья выбрали другой подход. Уилл (ему десять) решил есть только белую пищу (рис, картофель, хлеб, белки яиц и так далее). Бен (ему девять) будет есть только бобы, даже на завтрак. Сэм (ему семь, самый младший) выбрал суп. Это не обязательно помогло бы отличить их друг от друга, если только вы не сидели с ними за обеденным столом, но можно было рассчитывать на то, что часть еды останется на их одежде, и это послужит вам подсказкой.

Мама и папа взяли на вооружение эти подсказки, чтобы правильно называть нас по именам, а вот дядя Нейт даже не пытался. Он всегда называл мальчишек головастиками (иногда

¹ Слово «красный» в английском языке начинается со звука «р» (red). – Примеч. ред.

уточняя «самый маленький головастик» или «самый большой головастик») а всех нас, девочек, тыковками. Уж поверьте, Гретхен была не в восторге от того, что она «самая большая тыковка».

Не считая моего брата Бена, мои сёстры и братья любили запираться в комнате с компьютером, телевизором, стереосистемой и телефоном. Мы с Беном предпочитали свежий воздух, тем более что я стала здоровее многих. У меня годами не было простуд или чего-то подобного. Худшее наказание – убирать дом или сидеть у себя в комнате.

– Там не хватает воздуха, – обычно говорила тётя Джесси, и я была согласна с ней.

Мы с ней много чего делали на открытом воздухе: чистили картошку, сортировали бельё, проветривали одежду. Если не было дождя, мы даже гладили на улице, и у неё был удлинитель футов в двадцать, который тянулся из её кухни наружу, как раз для этой цели.

Я делила комнату с моими тремя сёстрами, и ночью, когда Мэй и Гретхен думали, что мы с Бонни спим, они шептались. Однажды я услышала, как они играют в «самых-самых». Вот как это было.

– А кто же я? – прошептала Мэй. – Ты – самая старшая и умная, Гретхен. Все это знают.

– Ты самая красивая, Мэй.

– Ты действительно так думаешь?

– Конечно. Все так считают.

– И Бонни – она самая хорошая, – сказала Мэй.

– Уилл самый сильный, а Бен самый нежный, ведь так? – спросила Гретхен.

– Да, а Сэм – самый симпатичный.

– А Зинни? – спросила Гретхен. – Мы забыли Зинни.

– Она – самая странная и самая жадная вонючка!

Они смеялись и смеялись.

Глава 7

Тропа

На следующий день после того как я увидела в магазине миссис Флинт Джейка, была суббота. Папа и дядя Нейт были в поле, высаживали помидорную рассаду. Они оставили лоток с рассадой возле «детских» грядок за домом. Это были мини-огородики, которые устроил каждый из нас, детей. Лично я на своем на прошлой неделе по всему периметру высадила циннии. Мне не нравилось видеть коричневую землю, простую и голую, как та, что на могилке тёти Джесси.

Для наших грядок существовало три правила: мы могли сажать всё, что хотели; мы должны были заботиться о них (прополка, полив и сбор вредных насекомых); и мы могли делать всё, что душа пожелает, с тем, что мы на них вырастили, то есть главным образом съесть или продать. В первый год существования моего огородика я так пожадничала, что не позволила себе съесть ни единой ягодки из тех, что сама же вырастила. Более того, я не собиралась ни с кем делиться плодами моего труда. Потом, когда всё сгнило и мои труды пошли прахом, я горько плакала.

В ту субботу я посадила на своей грядке шесть кустиков помидорной рассады и полила их, а затем шепнула каждому, что всё будет хорошо. Тётя Джесси твёрдо верила, что, если видеть в каждом кустике рассады живое существо, оно будет более счастливым и даст вам больше помидоров.

Закончив, я тайком выскользнула из огорода, взлетела вверх по склону холма за сараем, сбежала с другой стороны холма и помчалась берегом ручья, пока не выбежала к началу моей тропы. Мне казалось, что эта тропа принадлежит мне, потому что это я её обнаружила. Если быть точной, я заново открыла её за несколько недель до смерти тёти Джесси. Тропа эта существует, по крайней мере, лет двести.

Я наткнулась на неё случайно, когда прогуливалась по берегу ручья, следя за сонной лягушкой. Это была не очень умная лягушка, потому что она скакнула из воды в траву и вскоре запуталась в ней. Вот тогда я и наступила на что-то твёрдое, что, хлюпая в грязи, поехало у меня под ногами. Это оказался большой, плоский осколок сланца, облепленный опавшими листьями и травой.

Когда же я шагнула назад, чавкающий звук раздался снова – это я наступила на вторую плитку, уложенную на землю вплотную к первой. В течение следующих нескольких часов я убирала траву и мусор, пока не обнаружила ряд одинаковых камней, что тянулись от ручья к склону холма. Вот это да, Зинния Тейлор – исследователь!

В течение нескольких дней я держала своё открытие в тайне, желая иметь что-то своё, но Бен и Сэм однажды выследили меня, и когда они увидели мою тропу, которая к тому времени уже была длиной в полмили, то помчались домой, чтобы позвать Уилла и Бонни. Вскоре вся наша семья была там, расхаживая по камням. Все расхаживали там, повторяя: «Что это?», и «Откуда это взялось?», и «Кто это сделал?», и «Куда она ведёт?».

Молчали только дядя Нейт и тётя Джесси. Дядя Нейт пинал камни ногами и вертел головой по сторонам, словно прилетел из космоса и только что высадился на нашу планету.

– За всю мою жизнь я не встречал такой шумной ватаги головастиков и тыковок, – в конце концов изрёк он.

- Вы знаете, что это такое? – спросил папа.
- Это чёртова тропа, – сказал дядя Нейт.
- Что за чёртова тропа?
- Просто чёртова тропа. Она никуда не ведёт.

– Она должна куда-то вести, – возразил Уилл.

– Она никуда не ведёт, – вторила дяде Нейту тётя Джесси.

– Я хочу пройтись по ней, – заявила Гретхен.

– Я тоже! – поддержал её Уилл.

Не знаю даже, что на меня нашло.

– Вы не можете по ней пойти, – выпалила я. – Она закрыта. Расчищена только эта часть, потому что это я расчищала её. Она моя.

– Не будь жабой, – сказал Уилл. – Она не твоя.

Мне казалось, будто он посягнул на моё самое ценное имущество. Было в этой тропе нечто такое, чего я не могла выразить словами. Она вдруг стала настолько важна для меня, что я решила её защитить.

– Это я её обнаружила. Я её расчистила.

– Это не ты её обнаружила. Она и раньше была здесь. Ты всего лишь нашла её снова.

Великое дело! Я бы тоже мог наткнуться на неё, если бы я был здесь, – заявил Уилл.

– Всю работу сделала я.

Уилл сердито посмотрел на меня.

– Ты пока ещё расчистила её не всю. Я могу расчистить остальную часть.

– Я тоже, – поддакнула Бонни.

У меня были свои виды на эту тропу, и вот теперь они отбирали её у меня.

– Она никуда не ведёт, – ещё раз повторил дядя Нейт.

Тётя Джесси выглядела недовольной – мне показалось, что она не хотела, чтобы мы все уходили в горы, но потом я поняла, что ошибалась. Дядя Нейт и тётя Джесси отлично знали, что находится на этой тропе, и они не хотели, чтобы кто-нибудь другой обнаружил это.

Вскоре после этого я нашла карты. Наш класс пошёл на экскурсию в местный исторический музей, и хотя мне неприятно в этом признаваться, но это было самое скучное место на земле. Внутри было темно и затхло, и все ходили по залам и разглядывали стеклянные витрины, в которых лежали крошечные глиняные черепки и пожелтевшие книги, а на стенах висели портреты каких-то стариков. Только я подумала, что навсегда сгину здесь, став пленницей этой тёмной комнаты, как, подойдя к витрине, я увидела внутри неё карту. Разглядев на ней пунктирную линию, я проследила её взглядом по всей карте и различила надпись: «Тропа Бибэнкс – Чоктон».

Тропа Бибэнкс – Чоктон! Я изучила карту. На ней было видно начало тропы в Бибэнксе, у дороги, что вела от нашей фермы, но самой фермы или остальной части тропы там не было. Когда я спросила у экскурсовода, есть ли ещё подобные карты, она отвела меня вниз по лестнице в тёмную комнату, заросшую по углам паутиной и с единственной лампочкой под потолком.

Здесь были атласы, отдельные карты, большие карты, маленькие карты – пыльные и пожелтевшие от времени. Потребовалось не так уж много времени, чтобы найти и другие карты тропы Бибэнкс – Чоктон, и, наконец, у нас были три отдельные карты с изображением тропы от начала до конца. Тропа была длиной в двадцать миль. Мы сделали фотокопии, и я принесла их домой и спрятала в глубине шкафа под моей коллекцией бутылочных крышечек. Туда точно никто не заглянет.

Всю следующую неделю я каждый день изучала эти карты и запомнила каждый их дюйм. Я нашла место, где сейчас стоит наша ферма, ручей и участок тропы, который я уже разведала. Это были примитивные карты, грубые наброски тропы. Условные обозначения были сделаны от руки, а названия пунктов звучали в равной степени невероятно красиво и странно. Я представляла себе, как прохаживаюсь по Девичьей Аллее и брожу по Вороньей Лощине. Я бы с удовольствием прогулялась вдоль Хребта Детского Мизинчика и подремала бы на Хребте Солнного Медведя. А вот насчёт Лощины Призраков и Хребта Тёмной Смерти я была не уверена.

Я дважды возвращалась в музей, где узнала, что изначально это была индейская тропа, затем ею пользовались охотники-трапперы, а после них – лесорубы. В наши дни тропу почти ровно посередине пересекала заброшенная узкоколейка, которую лесозаготовительная компания построила для вывоза с гор строевого леса.

Это была узкая тропа, по ней можно было проехать верхом, но для конных повозок её ширины не хватало. Низинные участки моей тропы были выложены каменными плитами. Экскурсовод из музея сказала, что это было сделано для того, чтобы по ней было легче ездить весной, когда земля раскисала от грязи. Она также сказала, что переселенцы проложили для фургонов более широкую дорогу вдоль извилистого берега реки, и со временем она превратилась в главную дорогу между Бибэнксом и Чоктоном.

В музее я также нашла выцветшие фотографии людей, едущих верхом по моей тропе, и каждый раз, когда я собиралась очистить новый участок тропы, я думала об этих людях. Кем они были? О чём думали? Почему направлялись в Бибэнкс или в Чоктон?

* * *

В тот день, когда я посадила на моём огородике помидорную рассаду, я прошла по той части тропы, которую уже расчистила, примерно милю. Внизу подо мной была ферма, наш дом, длинная гравийная дорога, ведущая к шоссе, далее виднелись бледные пологие холмы, спускавшиеся к реке Огайо, бурой после недавних апрельских дождей, смывших в неё голую почву.

Добравшись до места, где в прошлый раз закончила расчистку, я отыскала под кустом свою лопату. Лопата и мотыга были единственными инструментами, которые у меня имелись, кроме собственных рук, но это всё, что мне было нужно. Я вырывала сорняки и скребла землю, очищая по камню за один раз. Легче всего это было делать сразу после дождя, когда податливая земля рассыпалась вокруг корней сорняков или же по какой-то таинственной причине сорняки перескакивали через камень, оставив его почти голым. Но обычно всё было не так просто, и мне приходилось без конца выдёргивать и выдёргивать эти чёртовы сорняки.

Иногда я ложилась навзничь в траву, смотрела на облака и слушала шум густых тёмных лесов, что раскинулись позади меня. Тропа изгибалась в направлении этих лесов, и какая-то часть меня сгорала от желания войти в них, чтобы увидеть, куда приведёт тропа, другая же часть была трусливой. Ведь кто знает, что там может меня ожидать?

Расчистка тропы в тот день шла медленно. По дороге домой, когда я зашла за поворот, откуда была видна наша ферма, я заметила рядом с сараем грузовик мистера Буна. Когда его жена и Джейк отсутствовали, одинокий мистер Бун частенько приходил к нам домой. Но мы не видели его с тех пор, как его жена и Джейк вернулись, и я удивилась, увидев его грузовик.

Спустившись по склону холма, я сначала заглянула в огород, чтобы проверить недавно высаженную помидорную рассаду, а затем направилась к дому. Хотя это и был грузовик мистера Буна, но к нам заглянул вовсе не мистер Бун.

Глава 8

Бутылочные пробки

- Угадай, кто на крыльце, – сказала Бонни.
- Мистер Бун, – ответила я.
- А вот и неверно.
- Тогда миссис Бун.
- Тоже неверно.
- Тогда кто же это?
- Угадай.

От Бонни невозможно добиться прямого ответа.

Вся наша семья была на крыльце, даже дядя Нейт, и с ними был Джейк Бун. Все трещали без умолку, засыпая его вопросами, как будто это сам Элвис Пресли заглянул к нам в гости. Мэй устроилась на качелях рядом с ним, мечтательно на него глядя, и крутила ленточку в волосах. Они не сразу заметили меня.

- Так ты работаешь в магазине миссис Флинт? – спросил папа.
- Да, сэр, – ответил Джейк.
- И сколько же тебе платят? – довольно грубо спросил дядя Нейт. С тех пор, как умерла тётя Джесси, он порой бывал несдержан и сварлив, как будто люди раздражали его тем, что просто живы.

Джейк назвал ему свою почасовую оплату.

- Да это грабёж среди бела дня! – воскликнул дядя Нейт.
- Это минимальная заработка, – ответил Джейк.
- Грабёж. Да я в жизни не зарабатывал столько за целую неделю, чёрт побери. Инфляция, чёрт её подери. Этих политиков нужно взашей гнать из страны. Мы должны…
- Привет, Зинни! – сказал Джейк. Он встал, и качели ударились ему в спину. Мэй одарила меня кислым взглядом.

– Ты можешь остаться на ужин, – предложила мама.

Джейк поблагодарил её, но сказал, что ему пора на работу.

– В это время дня? – удивился дядя Нейт. – В это время магазины должны закрываться. Их вообще нельзя открывать в субботу вечером. Люди должны сидеть дома, заниматься домашними делами, проводить время со своей семьёй. Ты так и скажи миссис Флинт, слышишь?

Джейк сошёл с крыльца и ткнул меня в бок.

– Мне даже не верится, Зинни. Ты так изменилась.

Мэй увязалась за ним следом, словно хвост.

– Джейк, я тоже изменилась? – спросила она.

– Нисколечко, – ответил он, и Мэй покраснела. – Хочешь посмотреть мой грузовик, Зинни?

– Грузовик твоего отца? – сказала я. – Я его видела раньше.

– Хочу показать тебе кое-что.

– Я тоже с вами, – заявила Мэй.

На полу грузовика стояла маленькая картонная коробка. Джейк передал её мне.

Мэй потянулась за коробкой.

– Давай я открою.

На что Джейк сказал:

– Это для Зинни.

– Для Зинни?? – Мэй отпрянула, как будто он ударил её, а когда я открыла коробку, сказала: – Крышечки от бутылок?

– Ты всё ещё их собираешь? – уточнил Джейк.

– Угу. – Я не знала, что ещё сказать. Я не знала, что думать о Джейке и его подарке.

– Крышечки от бутылок? – повторила Мэй, как будто эти слова прилипли к ней.

Джейк покатил прочь. Мэй нежно помахала вслед удаляющемуся грузовику.

– Честно скажу, Зинни, ты уже не маленькая, чтобы собирать бутылочные пробки. Это просто позор. Стоя с тобой рядом, можно сгореть от стыда.

Мне вспомнился Томми Салями. Его настоящее имя было Том Саломе, но даже он называл себя Томми Салями. Три года назад он учился в школе в одном классе с Мэй, но всякий раз, когда он видел меня, то что-нибудь мне дарил. Разные мелочи: пластиковое колечко из коробки с хлопьями; старую бутылку из его сарай; или ржавый ключ, который он нашёл на дороге. В моих глазах это были подлинные сокровища. У меня голова шла кругом, стоило мне только подумать о нём.

Он обычно говорил очень странные вещи. Например, мог спросить у меня, видела ли я когда-нибудь, как ходят деревья, и хотела ли я когда-нибудь стать аквариумом.

– Аквариумом? – спросила я. – Ты имеешь в виду что-то, что в нём плавает... рыбок?

– Нет, я имею в виду весь аквариум. Всё: вода, растения, рыбы, улитки... аквариум.

Я боготворила Томми Салями. Я думала о нём днём и ночью, мечтала о нём и писала его имя во всех своих школьных учебниках. Да что там! Я считала, что это Томми Салями вешает на небо Луну и звёзды; вот каким великим я его считала.

Затем однажды я увидела, как он шагает по дорожке к нашему дому. У меня перехватило дыхание: Томми Салями шёл ко мне домой! Томми Салями шёл ко мне. Быстрее, чем собака может облизать миску, я причесала щёткой волосы, сменила блузку и сбежала по лестнице вниз. Я распахнула дверь и там, на крыльце, увидела Томми Салями. Рядом с ним стояла Мэй.

Я заползла обратно в дом и, натыкаясь на мебель, вышла наружу через заднюю дверь. Я прошлась по дороге и стала ждать. Один час. Два часа. Наконец, увидев, как уходит Томми Салями, я пошла обратно к дому.

– Зинни? – удивился он. – Откуда ты?

Я не ответила. У меня не было слов.

– Я в долгу перед тобой, – признался он. – Должно быть, ты замолвила за меня перед Мэй словечко. Она согласилась пойти со мной на танцы. Как тебе это? – У него была такая широкая улыбка, что можно было подумать, будто у него во рту набор дополнительных зубов. – Ты просто душка, Зинни.

Я же подумала о Зинни Тейлор совсем другое: идиотка. Я была готова сквозь землю провалиться от стыда. Я не сомневалась, что не переживу этого унижения и этой ночью умру во сне. Я чувствовала себя жалким плевком, полным ничтожеством.

Были и другие мальчишки вроде Томми Салями. Джерри Эббот и Микки Торк, Слим Гибли и Роджер Поул. Все они пытались задобрить меня лестью и заваливали подарками, но в конечном итоге всё заканчивалось тем, что они назначали свидание моей сестре Мэй. С таким же успехом я могла быть поросёнком на собачьих бегах.

Я не знаю, почему эти парни не пытались подольститься к Мэй через Гретхен или Бонни или почему они не ухаживали за ней напрямую. Думаю, Гретхен всем своим видом давала понять, что не потерпит подобной ерунды, Бонни же была слишком мала. Или же эти мальчишки боялись Мэй, боялись, что она отвергнет их ухаживания. А вот меня не боялся никто. В глазах других я была тихой и безобидной, как шарик нафталина.

Но после Томми Салями я не была такой доверчивой. К тому времени, когда на горизонте появился бедняга Роджер Поул, я стала жуткой врединой. Когда он предложил мне пакет с попкорном, я закатила двойную истерику и заявила:

– Забирай свой дурацкий попкорн и подавись им.

После того как Джейк подарил мне бутылочные крышечки, мне стало грустно. В тот вечер я перебрала их. И насчитала около ста штук. Он нашёл несколько редких крышечек от содовой, которые уже больше не выпускаются, и много таких, каких я никогда раньше не видела. Все они были чистыми, и, похоже, он умел выпрямить их изнутри, потому что все они были без вмятин. Я добавила его крышечки к тем, что уже хранились в моём шкафу.

У меня была куча разных коллекций: счастливые камешки (маленькие, гладкие и белые); семена циннии; цепочки для ключей; пуговицы; цветные карандаши; ключи; шнурки (все связанны в один длинный шнурок); бутылочки; закладки; открытки; и бутылочные пробки.

Мэй сказала, что, если я собираю такие вещи, это свидетельствует о моей скучности. Но для меня скучность тут была ни при чём. Мне казалось, что я оберегаю эти вещи. Я бы никому не позволила, чтобы с ними что-то случилось. Никому бы не позволила их забрать.

Эти коллекции хранились в отдельных коробках, втиснутые в шкаф, который я делила с Бонни. Мэй называла наш шкаф «свинарником», потому что там всё вечно было вверх дном. А вот в шкафу Мэй и Гретхен в другом конце комнаты царил такой идеальный порядок, что с трудом верилось, что им кто-то пользуется.

В тот вечер, после того как я убрала свои новые крышечки, все четверо нас, девчонок, лежали в постели. Бонни уже крепко спала, я же притворялась, будто сплю, а на самом деле слушала, как шептались Мэй и Гретхен.

– Как ты думаешь, Джейк красивый? – спросила Мэй.

– У него красивые волосы, – ответила Гретхен. – И у него крепкие мышцы.

– М-м-м.

Несколько минут они молчали, и я решила, что, может, они уснули, но затем Мэй сказала:

– И зачем только Зинни собирает всяющую ерунду.

– Ты это к чему?

– Это такая… глупость, тебе не кажется?

– Я собираю зелёные вещи, – сказала Гретхен.

– Это другое. Это не глупость. Но крышечки от бутылок – это ни в какие ворота не лезет! Они засмеялись.

Жаль, подумала я. Этот разговор придал мне ещё больше решимости продолжать и дальше собирать их. Но потом, в ночной тишине, в темноте, я подумала: может, они правы? Может, я и в самом деле веду себя, как глупый ребёнок? Подобные вопросы обычно долго не дают уснуть.

Глава 9

Обратно в ящик

Вот почему я подумала, что тётя Джесси умерла из-за меня.

За день до смерти тёти Джесси я расчищала тропу. Я всё время думала о ней, потому что приближалась годовщина смерти Розы, и в это время тётя Джесси всегда становилась тихой, как мышка, словно её тело пыталось сохранить целостность. Она как будто застыла в пространстве и времени, чтобы пережить эту годовщину и не рассыпаться на миллион частей.

На тропе поднялся холодный ветер. Он гнал над моей головой тяжёлые облака и обрушивал на меня град. Я спряталась под сосной рядом с тропой, наблюдая, как град становится всё крупнее и крупнее. Крупные белые горошины падали с неба и, ударяясь о землю, подпрыгивали и разлетались во все стороны.

Землю вокруг меня устипал толстый слой сосновых иголок, и я водила по ним лопатой.

Внезапно лопата ударила обо что-то твёрдое; я соскребла сосновые иголки. Это был плоский осколок сланца, вроде тех, которыми была выложена тропа. Странно. Как этот кусок оказался здесь, в двадцати футах от тропы? Я расчистила пространство вокруг него, но других не нашла.

На его обратную сторону налипли комья грязи и червяки. Когда же я начала копать землю под ним, моя лопата за что-то зацепилась. Я наклонилась и вытащила из земли маленький кожаный мешочек, затянутый шнурком. Внутри лежала золотая монета.

Вот это находка! Я ощутила себя новой Зиннией Тейлор – известным археологом, единолично сделавшим открытие века. При близком рассмотрении оказалось, что это вовсе не монета, а какой-то медальон. С одной стороны был контур женской головы, с другой – голова мужчины и выгравированные инициалы: ДНСВ.

У меня возникло странное ощущение, что я уже держала этот медальон в руках раньше. Скажу честно: это меня напугало. Лежавшая на моей ладони находка напомнила мне о чём-то, но о чём? Может, я уже была здесь когда-то давно, в другой жизни? Что, если я уже держала в руках эту вещицу? Видела, как кто-то спрятал её здесь? Мне не нравилось это чувство, поэтому я сунула медальон обратно в мешочек и положила его в карман куртки, а когда град прекратился, продолжила расчистку тропы.

Увы, у меня не получалось сосредоточиться на моей работе. Я продолжала гадать, что означают эти инициалы – ДНСВ. Это инициалы какого-то человека, что-то вроде Джон Ньютон Стив Вэнс? Или это инициалы двух людей, например, Джон Ньютон и Стелла Вэнс? Или эти буквы означали что-то ещё? Давай На Свежий Воздух?

Когда вдали подняла голову вторая гряда тёмных облаков, я помчалась домой. На обратном пути по тропе скользнула безобидная травяная змейка, и я машинально схватила её. Зинния Тейлор – выдающийся биолог, исследователь редких видов. В сарае я нашла старую банку из-под кофе, засунутую за канистры с маслом, в которой хранился пакет с шурупами. Я вынула из банки пакет, положила в банку змейку и закрыла крышку, предварительно проделав в ней дырки.

У двери сарая появилась тётя Джесси.

– Я тут забеспокоилась, куда ты пропала, – сказала она. Она стояла неподвижно, прижав руки к бокам.

– Смотрите… – Я достала кожаный мешочек и протянула его ей. – Это было под камнем на той тропе.

Она развязала шнурок на мешочке и положила медальон себе на ладонь.

– И посмотрите, что ещё я нашла…

И зачем только я это сделала? Я знала, что она боится змей. Знала, но всё равно показала ей ту змейку. Наверно, я гордилась собой. Моя находка была такой маленькой, такой невинной, совсем не похожей на настоящую змею. Но, возможно, мне захотелось слегка подразнить тётю Джесси, чуть-чуть напугать, помочь ей снять напряжение, вновь превратить её в прежнюю тётю Джесси. Она перевела взгляд с мешочка с медальоном на мою змейку, отпрянула назад и испустила пронзительный вопль. Она выронила мешочек и, пошатываясь, шагнула к дверному проёму, и в тот момент вошёл дядя Нейт.

Той ночью тётя Джесси вытащила из комода нижний ящик и поставила на середину комнаты. Затем положила в него лоскутное одеяло и попыталась свернуться калачиком внутри ящика. Она явно была слегка великовата для него. Дядя Нейт сидел на краю кровати, умоляя свою Красную Птичку вылезти из ящика, но она как будто не слышала его; словно уже отправилась в своё последнее странствие.

Я знала, что означает этот ящик, и поэтому жутко перепугалась.

– Пожалуйста, – умоляла я её. – Пожалуйста...

Но она лишь что-то бормотала о руке Господа и называла меня *Роза-детка, Роза-малышка*. Моя мама схватила меня и отвела обратно на нашу половину дома.

По словам папы, посреди ночи тётя Джесси села в постели и закричала:

– Надеюсь, сейчас я постигну чудо!

С этими словами она откинулась на спину, закрыла глаза и умерла.

Глава 10

Миссия

Все жутко переживали из-за тёти Джесси, но мы с дядей Нейтом, похоже, переживали сильнее всех остальных. На следующее утро мне разрешили взглянуть на неё. Её вытащили из ящика и положили на кровать. Дядя Нейт стоял рядом с ней на коленях и повторял снова и снова: «Красная Птичка, Красная Птичка». Я хотела запрыгнуть на кровать, поднять её и усадить, но она лежала неподвижно, как и Роза, и её рука была похожа на руку Розы. Мне стало не по себе. Выпустите меня отсюда. Мне нужно глотнуть свежего воздуха.

Позже в тот день я сидела одна в своей комнате (Зинния Тейлор Рука Судьбы), когда туда вошёл дядя Нейт с палкой.

– Где это? – строго спросил он.

– Где что?

– Это существо… – Он принялся стучать палкой по всей комнате, тыкая ею под кровать и комод.

– В шкафу, – сказала я. – Возьми.

Я вытащила банку из-под кофе.

– Открой, – велел он. – А теперь подними её за хвост. А теперь щёлкни ею вот так…

Он взмахнул рукой.

Я сделала, как он велел: взяв змею за хвост, взмахнула ею в воздухе. Последовал резкий щелчок, и змея безжизненно обвисла. Я уронила её, и она осталась неподвижно лежать на полу.

– Что мне делать?

– Я бы убил её, – сказал дядя Нейт.

Встав над уже мёртвой змеей, он стал бить по ней своей палкой, снова и снова. Он вёл себя, как безумец; я ни разу не видела его таким. Обычно это был тишайший человек, который мухи не обидит.

Про змею не знал никто, кроме меня и дяди Нейта. Я не стала никому о ней говорить. Не хотела, чтобы кто-то узнал, что это я убила тётю Джесси. Доктор сказал, что виной всему был её диабет; мол, уровень сахара в крови резко подскочил. Но я этому не поверила. Как может такая хорошая вещь, как сахар, убить человека?

В течение нескольких недель я как воды в рот набрала. Люди роились вокруг меня, как пчёлы над банкой мёда, зная, как близки мы были с тётьей Джесси, но от их внимания я чувствовала себя только хуже. Это напоминало мне о том, что я сделала; что я была Зиннией Тейлор Убийцей. По ночам мне снились жуткие-прежуткие кошмары, в которых какие-то люди преследовали меня в лесу, среди высоких, твёрдых, как камень, деревьев, и чем дальше я бежала, тем уже становились промежутки между их стволами, так что я едва протискивалась между ними. Я боялась, что вот-вот застряну и не смогу выбраться, и тогда на меня набросятся змеи.

По дому я ходила крадучись, стараясь оставаться незамеченной, и вместе с тем надеялась, желала, молилась в душе, чтобы меня заметили.

А дядя Нейт? В некотором смысле он оставался прежним: хлопотал по дому и по двору, сидел на крыльце, разговаривал с нами, детьми, всё тем же тихим голосом. Иногда он даже говорил со мной, совсем как раньше.

– Посмотри сюда, тыковка, посмотри-ка на этот камень, который я нашёл, – говорил он.

Но были моменты, когда он смотрел на меня и, казалось, не понимал, кто я такая, и моменты, когда он называл меня Розой. И стоило ему произнести это имя, как он останавливался, оборачивался и смотрел так, как будто рядом со мной стоял кто-то ещё. Роза? Тётя

Джесси? Не знаю. А ещё с ним случались приступы хандры, когда окружающий мир его раздражал, а иногда, бывало, он устремлялся в погоню за своей Красной Птичкой.

А мои родители? Они, как всегда, были заняты, и со стороны могло показаться, что они совсем не горюют по тёте Джесси. Мою маму вечно отвлекали какие-то дела: она одновременно завязывала шнурки Сэму, собирала чью-то грязную одежду, составляла список покупок и кричала на Уилла, чтобы тот не сорвался с крыши. Но теперь она сделалась слегка рассеянной, как будто кто-то раскрутил её, словно волчок, а затем отпустил, чтобы она крутилась по всему нашему дому.

Она ставила молоко в духовку, а сахар – в холодильник. В первую неделю она каждый божий день теряла ключи от машины. По крайней мере, один раз в день, когда дяди Нейта не было дома, она тайком прокрадывалась на его половину, чтобы навести там порядок, и возвращалась оттуда заплаканная, с покрасневшими от слёз глазами. Было понятно, что она плакала из-за тёти Джесси. Иногда она выходила к оголившейся границе цветочной клумбы тёти Джесси и просто стояла там, тупо глядя на землю.

Какое-то время мой папа казался растерянным и беспомощным, как опрокинутая на спину черепаха. Он много копался в саду. Обычно за ним такого не водилось, но в первые несколько недель после смерти тёти Джесси его можно было увидеть там с лопатой и мотыгой, которыми он ковырял голую землю. За обеденным столом он поворачивался туда, где обычно сидела тётя Джесси, и машинально произносил: «Джесс...». Поняв, что сказал глупость, он краснел до корней волос и пытался скрыть это, говоря: «Ну и бардак был в нашем аэропорту сегодня!» или «Надо взять ещё картошки!». Мы все опускали глаза, глядя в тарелки, и делали вид, будто не слышали его.

Мои братья и сёстры? Ну, в первые несколько дней после смерти тёти Джесси Гретхен и Мэй часто перешёптывались, но что они там говорили, я не знаю. Уилл без дела слонялся по дому и никогда не упоминал имя тёти Джесси. Я слышала, как он сказал Бену:

– Ненавижу все эти разговоры про смерть! Ненавижу! – Это были единственные его слова о смерти тёти Джесси.

Сэм, самый младший из нас, стал одержим всем, что связано с похоронами. Он хотел знать, откуда появился гроб, и из чего он был сделан, и был ли он водонепроницаемым, и почему люди посыпают цветы, и много ли людей было похоронено заживо, и почему гроб положили в землю, и почему его нельзя было держать в сарае, и так далее, и тому подобное. Вскоре все начали его избегать, потому что не могли больше думать об этом даже минуту.

В каком-то смысле Бен казался самым спокойным, и сначала я подумала было, что он просто не слишком переживает. Позже я поняла, что у него был свой способ справляться с утратой.

Когда Джейк Бун приехал в город, мы только-только начинали выходить из оцепенения, словно сонные медведи после долгой и тяжёлой зимней спячки.

Через несколько дней после похорон тёти Джесси я снова вышла на тропу. Чтобы не думать о тёте Джесси, я по-прежнему пыталась представить себе людей, которые ходили по этой тропе много лет назад. Вот тогда-то у меня, подобно фейерверку, и возникла идея: я решила разведать целиком всю тропу и совершить по ней путешествие верхом на лошади.

С этим возникло несколько проблем, над которыми я тогда не задумывалась. Во-первых, разведать и очистить двадцать миль тропы было нелёгким делом, и, во-вторых, у меня не было лошади, даже если бы я расчистила всю тропу. По крайней мере, я хотя бы знала, как ездить верхом. Этому я научилась на ферме у Сэл Хиддл, где мы с ней целыми днями катались по полям и лесам на её кобылке Иве. К сожалению, Иву продали, когда Сэл с папой переехали в Огайо.

Однако чем больше я думала про свой план, тем грандиознее он становился. Этот план терзал мне мозг; мысли носились взад-вперёд, словно пёс по гороховому полю. Я бы не только

очистила тропу, но и высадила бы вдоль неё циннии, и она стала бы тропой Зинни – Бибэнкс – Чоктон, и все, кто видел бы эти циннии, думали бы обо мне, Зинни, и поражались тому, что я сделала. Но это всё равно будет моя тропа, и всем придётся спрашивать разрешение, чтобы ею пользоваться.

В то время мне казалось, что эта идея возникла из ниоткуда, и я не знала, что она станет для меня настолько важной. Мне не приходило в голову, что я от чего-то убегаю или, наоборот, за чем-то гонюсь. Мне не приходило в голову, что со стороны это будет смотреться эгоистично. Что касается цинний и наречения тропы в честь себя, любимой, – мне просто надоело быть в глазах других жадной грязнулей с поехавшей крышей, жалкой букашкой, полным ничтожеством. Я хотела, чтобы меня считали чем-то большим. Чтобы люди знали, кто я такая на самом деле – что я никакая не Зинния Тейлор Убийца.

Но тогда я всего этого не знала. Я знала лишь то, что должна это сделать. Должна, и всё тут. И мне нужно поторопиться, чтобы успеть сделать это до конца лета, потому что своим извращённым умом я верила, что если к тому времени я не завершу своё дело, то произойдёт нечто ужасное. Что бы это ни было, это будет карой за убийство тёти Джесси. Я решила, что Бог даёт мне шанс – всего один шанс – искупить мой грех.

Стоит идее вроде этой укорениться в моей голове, как она разрастается, словно лопухи на берегу реки. И мне не было причин беспокоиться о том, что мои братья или сёстры захватят мою тропу. Через несколько дней после того, как они расчищали её от мусора, они утратили к ней интерес, и она снова стала моей.

Глава 11

Подарки

В воскресенье, на следующий день после того как я получила в подарок пробки, я копалась в своём огороде, когда к нам снова заехал Джейк. Он сказал, что заглянул к нам лишь на минуту. В его руке была маленькая коробочка с пробитыми в ней отверстиями.

– Вот, – сказал он, сунув её мне под нос.

Содержимое моего желудка закрутилось колесом, как носки в сушилке стиральной машины. Подарок от Джейка. Но в следующий миг я подумала: «Опять двадцать пять». Ещё один Томми Салями подкупает меня подарками, чтобы подлизаться к Мэй. Нет, меня больше не проведёшь.

– Открой! – сказал он. – Это тебе. Это термометр.

Я подняла крышку и тотчас вернула на место.

– Очень смешно, – произнесла я, возвращая ему коробочку. – Это больше похоже на сверчка.

Почему у него такой настойчивый вид? Зачем ему лишние труды, когда Мэй сама из кожи вон лезет, стараясь привлечь его внимание?

– Которое из этих окон твоё? Где твоя комната? – спросил он.

Я нехотя подыграла ему, притворившись, будто не знаю, что на самом деле ему нужно.

– Вон там, наверху. Я делю её с Бонни, Гретхен и… Мэй.

– Где твоя кровать?

– Возле вон того окна. Кровать Мэй возле другого окна.

Но он даже бровью не повёл, когда я упомянула её имя. Довольно! – хотелось мне крикнуть ему. Хватит притворяться! Довольно!

– Отлично, – сказал он и повёл меня к растущему рядом с домом дубу, ветви которого стучали в окно нашей спальни. – Видишь это дерево?

Он открыл коробку и наклонил её к стволу. Сверчок выскочил и вцепился в кору. Джейк был явно очень доволен собой.

– У тебя есть часы возле твоей кровати? С секундной стрелкой? – спросил он.

– Есть.

– Сегодня вечером, если ты услышишь этого сверчка, сосчитай, сколько раз он прострекотал за минуту, раздели это число на четыре и прибавь тридцать семь, и ты получишь точную температуру. Разве это не круто??!

Мэй появилась после того как грузовик Джейка исчез из вида.

– Это был Джейк? Куда он поехал?

– Понятия не имею.

– Что он хотел? Что сказал?

– Всякую ерунду. Ничего особенного.

– Он спрашивал про меня? – спросила Мэй.

На улицу вышла Гретхен.

– Это был Джейк? Что он хотел?

Мэй взяла её за руку и, что-то шепча ей на ухо, повела к дому. Я не слышала, что сказала Мэй, но слова Гретхен я разобрала:

– По-моему, он просто застенчив. Скорее всего, он хотел спросить тебя, но, по всей видимости, смущился, вот и всё. Думаю, он вернётся.

Через несколько минут появилась Бонни.

— Мэй злится на тебя, — сообщила она. — Угадай, почему. — Когда я не ответила, она добавила: — Мэй говорит, что ты должна была сказать ей, что здесь был Джейк. Она говорит, что у тебя мозгов не больше, чем у блохи.

Мимо дома, размахивая палкой, пробежал дядя Нейт.

— Стой! — крикнул он. — Подожди!

— Ты за кем гонишься? — спросила его Бонни.

— За моей Красной Птицей! Вы только посмотрите на неё!

— Он действительно её видит? — спросила Бонни.

— Может быть...

— Ты когда-нибудь её видишь?

— Только мысленно... — призналась я.

— Но здесь, в доме, ты видишь тётю Джесси так, как её видит дядя Нейт?

Как жаль, что я не могла сказать «да». Если он мог видеть её, почему не могла я?

— Нет, я не знаю. А ты?

— Конечно, нет, а вот Бен видит, — ответила она. — Бен сказал, что с тех пор, как её похоронили, он видел тётю Джесси дважды. Он действительно её видел? Или ему померещилось?

Позже я нашла Бена на его огородике. Он стоял, наклоняя голову то влево, то вправо.

— Как по-твоему, они прямые? — спросил он. — Вот это третье растение, тебе не кажется, что оно кривое?

— Они все в полном порядке, Бен. Им не обязательно быть прямыми.

— Нет, обязательно.

Бен решил выращивать в своём огородике только бобы и очень бережно относился к своей грядке. Ему нравилось, чтобы там всё было, как по линейке, и он не позволял там расти никаким сорнякам. Он проверял свои бобы по два-три раза в день, и стоило ему обнаружить хотя бы крохотную травинку, пытающуюся там прорости, как он кричал:

— Откуда ты вылезла? Ну-ка, марш отсюда!

Однажды, когда Бен был помладше, он сказал тёте Джесси, что ему также нужен «другой сорт бобов».

— И что это за сорт? — удивилась тётя Джесси.

— Человеческие бобы.

Тётя Джесси объяснила, что человеческих бобов не бывает. Есть просто люди. Бен внимательно выслушал её и сказал:

— Но, может, это действительно человеческие бобы. Например, если взять маленькое человеческое яйцо, посадить его в землю и поливать, оно прорастёт.

— И во что оно прорастёт? — спросила тётя Джесси.

— В человеческий боб, конечно.

* * *

Бен спросил, куда я собралась, на тропу или куда-то ещё.

— Да, — ответила я, — только никому не говори.

— Она, наверно, уже длинная, Зинни, — произнёс он. — А ты думала о том, что, когда она будет длиной в пять или десять миль, тебе придётся пройти пять или десять миль, чтобы расчищать её дальше, а потом снова идти назад пять или десять миль? А когда она будет в длину пятнадцать миль? Или шестнадцать? Или...

— Как-нибудь справлюсь, — ответила я.

Если честно, я даже не думала об этом. Лучше бы он об этом не упоминал, ведь теперь эта мысль весь день не будет давать мне покоя.

— Может, ты встретишь там дядю Нейта, — сказал Бен. — Он навещает свою милашку.

- Неправда.
 - Нет, правда, Зинни. Он так и сказал: «Пожалуй, пойду проведаю мою милашку».
 - Он шутит.
 - Нет, не шутит.
 - Шутит.
 - Бен, ты видел тёту Джесси… недавно?
 - Угу.
 - Где? Что она делала?
- Бен поковырял землю.
- Она просто гуляла, у сарая.
 - Она тебя видела? Она что-то сказала?
 - Нет.
 - Наверно, тебе это померещилось, – предположила я.
 - Неправда, ничего мне не померещилось.

Похоже, он даже не парился по этому поводу. В свои девять лет он считал вполне обычным делом видеть, как его мёртвяя тётя Джесси расхаживает по ферме.

Я зашагала по тропе дальше. Дёргая сорняки, я думала о том, можно ли на самом деле увидеть мёртвого человека. Мне стало жутко завидно, что дядя Нейт и Бен видели её, а я нет. Может, я недостаточно усердно выглядывала её? Эх, вот если бы и мне её увидеть! Я даже вздрогнула при этой мысли. Увидеть её лицо, увидеть её странную походку, как она, бывало, ходила – медленно, быстро, медленно, быстро!

Когда на обратном пути я приблизилась к сараю, ко мне подошёл Бен. Мы увидели, как от фермы отъезжает грузовик Джейка.

- Снова он? – удивился Бен. – Ведь он уже был здесь сегодня!

На крыльце Мэй, Гретхен, Бонни, Уилл и Сэм столпились вокруг другой картонной коробки – на этот раз большой, высотой около фута.

- Что это, что это?! – воскликнул Бен.

Мэй смерила меня колючим взглядом.

- Угадай, – сказала Бонни. – Это от Джейка.

В коробке на охапке сена лежала черепаха около семи дюймов в длину. Вернее, лежал её панцирь – высокий, округлый и чёрный с восемью оранжевыми пятнышками. Никаких признаков головы не было видно.

- Она живая? – спросил Бен.

– Джейк сказал, что живая, – объяснила Гретхен. – Вообще-то это он. Ещё Джейк сказал, что его зовут Поук и что он предсказатель погоды. Если Поук втягивает голову внутрь панциря, значит, погода будет хорошая. Если Поук высунет голову или начнёт ползать, значит, пойдёт дождь.

– Но ведь это полная ерунда, – сказал Бен. – Вам не кажется, что он скорее высунет голову в хорошую погоду и втянет её, когда пойдет дождь?

- Я всего лишь говорю то, что сказал Джейк, и всё, – фыркнула Гретхен.

В этот момент черепаха высунула голову, и в следующее мгновение на его панцирь упала капля дождя.

- Могу я взять её себе? – спросил Бен, вытаскивая черепаху из коробки.

– Положи на место. Это для Зинни, – сказала Бонни.

- Почему для Зинни?

– Потому что Джейк так сказал.

- Но почему для Зинни?

Мэй закатила глаза.

– Это потому, что она, как малый ребёнок, собирает все эти дурацкие штуковины. Да он принесёт любой старый мусор, какой только найдёт, и отдаст его Зинни, чтобы от него избавиться. Это просто позор!

Той ночью сверчок прощебетал сто двенадцать раз за одну минуту.

Я разделила это число на четыре, прибавила тридцать семь и получила шестьдесят пять. Встав с кровати, я спустилась на кухню и проверила прикреплённый к окну термометр. Он показывал ровно шестьдесят пять градусов по Фаренгейту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.